

ЮЛИЯ АЛЕЙНИКОВА

АННА ПАВЛОВА
И СВЯЩЕННЫЙ
РУБИН

МОСКВА

ЮЛИЯ АЛЕЙНИКОВА

АННА ПАВЛОВА
И СВЯЩЕННЫЙ
РУБИН

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Алейникова, Юлия.

А45 Анна Павлова и священный рубин : [роман] /
Юлия Алейникова. — Москва : Эксмо, 2025. —
320 с.

ISBN 978-5-04-220768-6

В 1928 году великая балерина Анна Павлова на гастролях в Индии получила в дар от богатейшей Махарани древнее украшение с огромным рубином. Драгоценность раньше принадлежала прославленной храмовой танцовщице. Спустя несколько лет подвеска с камнем была похищена и бесследно исчезла.

В начале двадцать первого века проявился ее кровавый след. Убийство балерины Галины Коваленко поражало своей жестокостью: кто-то вырезал ей сердце охотничьим ножом и оставил на тумбочке посреди разгрома. Под следующий удар может попасть внучка бывшей примы Марина, тоже восходящая звезда балетной сцены...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2025

© Оформление. ООО

ISBN 978-5-04-220768-6

«Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

Индия, Бомбей. 1928 г.

Анна Павлова легко шагала по мощеным улочкам Бомбея. В расцвете славы и жизненных сил, первая всемирно признанная балерина шагала по жарким улочкам индийского города, в легком белом платье и шляпке, никем не узнаваемая, наслаждаясь своим инкогнито. Если бы не жара и влажность, можно было бы предположить, что ты находишься в Лондоне или Бирмингеме: широкие площади, мощеные улицы, парки с зелеными лужайками, витые фонарные столбы... Вот только полицейские — в ярких красных чалмах, и удушающая жара. А еще множество снующих по улицам рикш, и повозки со смуглыми, загорелыми почти до черноты кучерами в белых шароварах, и, конечно, женщины. Анна всегда любовалась индийскими женщинами. Изящные, большеглазые, в ярких разноцветных сари, с массивными броскими украшениями, они походили на тропических бабочек.

Конечно, это была парадная, европейская часть города. Была и другая, где царили крайняя степень нищеты, грязь, безнадежность, туда европейцы старались не заходить. И все равно. Павлова любила Индию.

Балерина много гастролировала и объездила чуть ли не весь свет, бывала в самых дальних уголках мира, познакомилась с культурой разных народов, но к Индии она питала теплые чувства, а интерес к индийскому традиционному танцу проснулся в ней еще до первых гастролей, после изучения в Британском музее индийских гравюр. Тогда-то они вместе с Хлюстиным и Удаем Шанкарсом и решились на постановку двух индийских зарисовок, «Индусская свадьба» и «Кришна и Радха». Балеты не имели в Европе шумного успеха, они показались публике скучными и абстрактными, зато в самой Индии произвели фурор. Это был небывалый успех. Сами индийцы заговорили о национальных танцевальных традициях, почти забытых и утраченных, как убедилась балерина.

Прибыв тогда, почти семь лет назад, в Индию, она мечтала увидеть настоящий храмовый танец, увидеть вживую искусство и пластику, восстановленные ею лишь по неподвижным картинкам. Но не смогла найти ни одного профессионального исполнителя, даже заручившись поддержкой своих влиятельных индийских друзей. Увы, долгие годы искусство храмового танца порицалось английской колониальной администрацией как неприличное, развратное, а храмовых танцовщиц считали проститутками. После таких многолетних гонений Анне так и не удалось найти ни одного исполнителя. А ее просвещенные индийские друзья гораздо лучше разбирались в русском балете, нежели в своих национальных традициях.

Но все же она смогла увидеть и узнать многое. Фрески храмового комплекса Аджанты, десятки пещер, покрытых древними росписями и барельефами, над которыми столетиями трудились луч-

шие мастера своего времени, открыли ей целый мир древней индийской культуры. Она впитывала в себя впечатления, краски, формы, звуки, окружавшие ее на улицах, вдыхая аромат этого древнего города, факиров, жрецов, мудрецов и провидцев. Представляла себе девадаси — храмовых танцовщиц, окутанных клубами благовоний, исполнявших под сумрачными сводами древних храмов мистические обрядовые танцы в свете горящих факелов. Видела, как пляшут на стенах храмов их трепещущие тени. Слышала заунывные пронзительные звуки вины и ритмичные удары мадалама.

Фрески Аджанты захватили балерину, она грезила ими наяву, пока не родился новый балет. «Фрески Аджанты». Успех балета в Бомбее был оглушительным. Газеты пестрели хвалебными рецензиями. Все местные издания в один голос говорили о том, что русская балерина сделала для возрождения искусства национального танца больше, чем любой индеец. Поклонники завалили балерину цветами и подарками. Толпа готова была нести ее на руках до самого отеля. Это был настоящий успех. Достойная награда за месяцы труда, поисков, творческих мучений.

Едва балерина вошла в прохладный вестибюль отеля, к ней подошел, кланяясь, смуглый портье в зеленом тюрбане и с поклоном сообщил, что в гостиной ее ожидают две дамы: одна из них госпожа Лейла Рой, вторая пожелала остаться неизвестной.

Анна, услышав знакомое имя, с улыбкой направилась вслед за портье.

Гостиная отеля была обставлена в европейском вкусе, и лишь отдельные элементы отделки напоминали, что вы находитесь в Индии, а не в Европе. Сквозь распахнутые окна с открытой террасы легкий морской бриз наполнял комнату ни с чем не сравни-

мым ароматом цветов, пряностей, соленым воздухом Аравийского моря. Гостиная была пуста в этот час, и лишь две дамы сидели на диване возле усыпанного яркими лиловыми цветами дерева в кадке.

— Госпожа махарани! — радостно воскликнула Анна, делая легкий поклон и спеша навстречу гостям. — Лейла, дорогая!

Махарани Индира Деви, некогда принцесса богатейшего в Индии царского дома княжества Бороде, а ныне вдова махараджи Кох Бехара и регентша своего малолетнего сына, была по-прежнему невероятно красива, так же как и при их последней встрече в Лондоне, с момента которой прошло уже восемь лет. Тогда махарани гостила в Лондоне с мужем, была молода и счастлива. А сейчас ее прекрасные глаза были полны печали, а белое, расшитое золотой нитью сари подчеркивало понесенную ею утрату¹.

— Госпожа Павловна! — Махарани протянула навстречу балерине руки. Она называла балерину на русский манер. — Рада снова видеть вас. Простите, что не зашла вчера за кулисы, слишком уж много поклонников рвалось выразить вам свое восхищение. Ваше вчерашнее выступление в Эксельсиоре имело невероятный успех.

— Госпожа Павлова! Это было поразительно, вы сотворили чудо! — не сдержав эмоций, воскликнула Лейла. В присутствии махарани она старалась держаться скромнее и сдержаннее. — «Фрески Аджанты» невероятны!

— Это правда, — усаживая балерину рядом с собой, улыбалась махарани. — Вы словно оживили древние росписи, до сего дня ни один индеец не сделал для возрождения индийского традиционного танца боль-

¹ В Индии цвет траура — белый.

ше, чем вы. В вашем танце есть чистота, энергия, ритм и красота пластики. Это было восхитительно!

Анна Павлова улыбалась похвалам, они были ей дороги, поскольку говорились искренне людьми, чьему вкусу и мнению она доверяла.

Махарани была знатоком и поклонницей национальной культуры и искусства Индии и многое делала для его возрождения, оказывая покровительство и финансовую поддержку художникам, музыкантам, танцорам. При этом она была всесторонне образованной современной женщиной, получившей блестящее европейское образование, хорошо знакомой с европейским искусством и прекрасно разбиравшейся в нем.

— Благодаря вам в Индии стал просыпаться интерес к собственному танцевальному наследию, вы дарите столько вдохновения! — говорила махарани, глядя на балерину огромными бархатными глазами.

Сама махарани Индира Деви была так изящна и тонка, что могла бы сойти за профессиональную балерину, а жесты ее тонкой смуглой руки, украшенной массивными драгоценностями, были грациозны и плавны.

— «Фрески Аджанты» превзошли даже ваш прежний шедевр «Кришну и Радху», вы удивительная женщина и большой мастер, и в знак моего глубочайшего восхищения я хочу преподнести вам маленький подарок.

Махарани взяла со стола небольшую золотую шкатулку, инкрустированную слоновой костью, украшенную жемчугом и самоцветами. Эта шкатулка сама по себе могла стать ценным подарком, учитывая ее древность и качество украшавших ее камней. Но махарани раскрыла ее и протянула Анне толстую золотую цепь, инкрустированную драгоценными кам-

нями, с невероятной красоты подвеской, украшенной большим темным рубином, по форме напоминающим капелюшку крови. Камень был обрамлен россыпью бриллиантов, рубинов и изумрудов помельче.

— Это Манг тика, — пояснила махарани. — Тика — это украшение, которое касается лба, а этой точке в Индии уделяется особое внимание, так как через амулет на лбу в тело проходит духовная энергия. Считается, что камень, прикасающийся ко лбу, дает носительнице мудрость и познание. Каждая женщина сама решает, какой будет ее тика и какими камнями она будет украшена. В Индии считается, что каждый камень должен быть либо талисманом, либо символизировать что-то. Смысл символа определяет сама женщина. Мне хотелось сделать вам особенный подарок.

— Это восхитительно! — Анна с благоговением рассматривала украшение. По огранке камня и оправе сразу было видно, что вещь очень старинная. Если не сказать древняя. — Но это очень дорогой подарок, я не смогу его принять, — спустя несколько минут мягко проговорила балерина, отрывая взгляд от камня. — Это слишком ценный подарок.

— Конечно, можете, — улыбнулась махарани. — И должны его принять. К тому же это не простое украшение. Это старинное украшение несколько столетий хранилось в сокровищнице махарадж Боруде. По легенде, оно принадлежало знаменитой на всю Индию девадаси. Храмовой танцовщице, посвятившей свою жизнь служению богу Вишну и его супруге богине Лакшми. Судьба танцовщицы сложилась трагично, она погибла от несчастной любви к сыну махараджи, оставив о себе в веках память как о непрезойденной исполнительнице. Богиня Лакшми, в храме которой служила девадаси, — бо-

гиня благополучия, изобилия, процветания, богатства, удачи и счастья, воплощение грации, красоты и обаяния. Мне кажется, к вам богиня Лакшми необычайно щедра, — кладя свою ладонь на руку балерины, лукаво заметила махарани. — Красный цвет рубина — священный цвет, это цвет любви, страсти и жертвенности. Зеленый цвет изумрудов — процветание. Я желаю вам и того, и другого.

Этим вечером на выступление Павлова надела подарок махарани. И с тех пор всегда, танцуя в балете «Фрески Аджанты», надевала рубиновую подвеску. Балерина не могла бы точно объяснить, что происходит с ней, когда древний камень касается ее лба, да и не хотела ни с кем обсуждать столь личные переживания, но она словно наполнялась каким-то священным огнем, она ощущала в себе дух древней танцовщицы. Танцуя на современной сцене, видела перед собой сквозь облако благовоний очертания храмовых фресок, спокойное лицо богини Лакшми, ощущала жар чужой страсти, охватывающий ее, дарящий небывалое вдохновение. И сердце трепетало от чувств, ранее ею не испытанных, — смеси священного трепета, безнадежной любви, горечи и отчаяния. От этих эмоций ее исполнение становилось ярче, глубже, оно захватывало не только балерину, но и зрителей, целиком наполняя их непередаваемыми эмоциями.

*Англия, Лондон.
Апрель 1929 г.*

— Госпожа Лукина, точнее, элегантнее, — гулко звучал в репетиционном зале голос Анны Павловны. — Госпожа Тонеева, вы немного запаздываете. Прекрасно. Но мне кажется, надо чуть энергичнее.

В особняке Айви-Хаус, который Анна Павлова купила лет десять назад в одном из престижных районов Лондона, шла репетиция балетной труппы. Вскоре предстояли гастроли в Австралии. Отбирались спектакли, отшлифовывалось исполнение.

— Виктор, отъезд уже в среду, ты проследишь за отправкой костюмов и декораций? — обращаясь к мужу, озабоченно просила балерина. — Госпожа Лукина, вы сегодня не с нами, будьте внимательнее.

Требовательность Анны к себе распространялась на всю труппу. Ее замечания всегда были обоснованны и строги, дисциплина безупречна. Артисты такое отношение принимали как должное, ценили мастерство и профессионализм своей вдохновительницы и строжайшего цензора. Во всяком случае, большее их число.

— Ирина, тебе надо научиться держать себя в руках. Нельзя так дуться из-за каждого пустяка.

— Пустяка? Легко тебе говорить! — нервно одергивая подол платья, проговорила молодая темноволосяя девушка с тонким задорным носиком и капризной линией губ. — Она придирается ко мне, неужели ты не видишь?

— Вот уж ерунда, — вскинув голову, ответила ее подруга, перестав возиться с застежкой на туфлях. — Анна Павловна ко всем справедлива. Она просто очень требовательна, и не только к артистам, но и к себе. Все это знают. Больше, чем она, никто не трудится в труппе. Тебе это прекрасно известно, — с упреком заметила девушка.

— Вот уж от тебя не ожидала! Я думала, мы подруги! — Молоденькая Ирина Лукина была талантливой, подающей надежды балериной, но имела один существенный недостаток. Вздорный, обидчивый характер. За тот год, что она состояла в труппе

Анны Павловой, она уже не раз ссорилась со своими коллегами: к счастью, все эти ссоры были мелкими, почти детскими и быстро забывались, во многом благодаря участию ее подруги Нины Обуховой, с которой она сейчас как раз беседовала в пустой грим-уборной. Нина была немногим старше Ирины, но гораздо спокойнее и рассудительнее, у нее был легкий уживчивый характер, и, вероятно, поэтому она могла без усилий терпеть капризную, вздорную Ирину.

— В любом случае я больше не желаю терпеть эти придирки, — топая ножкой, сердито заявила Ирина. — Я уйду из труппы! — В голосе ее звучала радостная мстительность.

— Ты с ума сошла? Ты что, хочешь уйти из труппы прямо сейчас? За три дня до отъезда на гастроль? Ирина, тебя же нечем будет заменить! — глядя с ужасом на подругу, выдохнула Нина.

— Меня? Третью селянку с корзиной? Что-нибудь придумают, — презрительно фыркнула Ирина.

— Но это же непорядочно! И к тому же что ты будешь делать, когда уйдешь? Сейчас почти невозможно получить хороший ангажемент, нам просто повезло попасть в труппу к госпоже Павловой.

— Сомнительное везение, — продолжала упрямяться Ирина, надевая перед зеркалом маленькую очаровательную шляпку. — И вообще, я не собираюсь искать другой ангажемент. Я выхожу замуж за Алексея, и мы возвращаемся в Россию.

— В Россию? — едва слышно выдохнула Нина.

— Да, в Россию. Его приглашают на работу, строить какой-то завод. Он говорит, что теперь в России происходит столько нового, интересного и что нам с ним найдется достойное место у большевиков.

— О господи! Ты точно сумасшедшая, — глядя на подругу как на безумную, проговорила Нина. — Отговаривать тебя бесполезно, я знаю, но хотя бы поступи порядочно и немедленно предупреди Анну Павловну. Не хочешь говорить с ней — поговори с господином Дандре. Но обещай, что сделаешь это немедленно, или я сама ей все расскажу.

— Ладно. Так и быть, сейчас схожу, — недовольно протянула Ирина, любуясь в зеркале своим отражением. Легкое светлое пальто свободного кроя, модное платье с плиссированным подолом, стройные ножки, свежий цвет лица, озорные лучистые глаза. Ирочка была чудо как хороша. Она счастливо вздохнула, улыбнулась своему отражению и, резко развернувшись к Нине, тут же надула губки. — Уже иду. Хотя стоило бы их проучить и просто не явиться в порт.

Нина только вздохнула.

Кабинет Дандре — офис, как его называли в труппе, — располагался сразу за репетиционным залом, но самого хозяина кабинета Ирина не застала; ждать его было бессмысленно, еще раз приезжать в особняк не хотелось, и барышня направилась по галерее в жилую часть особняка.

Войдя в холл и не встретив никого по дороге, Ирина замешкалась. Что делать? Подождать? Но так можно простоять и полчаса, и час. Позвать кого-то? Нарушать царившую в доме тишину было неловко. Тут она услышала доносящиеся сверху голоса и решительно двинулась вверх по лестнице.

В конце концов, это в их же интересах — узнать как можно быстрее о ее уходе, уговаривала себя Ирина, легко ступая по мягкой ковровой дорожке, устилавшей широкую лестницу с резными дубовыми перилами.